

УДК 93: 303.446.4

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159>

Религиозность советской молодежи в зеркале отечественного обществоведения 1920–1970-х годов

А. В. Апанасенок¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность работы связана с эвристической значимостью уяснения места религиозных ценностей в жизни советского социума, а также необходимостью историографического осмысления процесса ретрансляции конфессиональных традиций в Советском Союзе.

Цель. Критический анализ сведений об уровне религиозности советской молодежи, публиковавшиеся отечественными авторами в 1920–1970-е годы.

Задачи: изучить статистические данные отечественных обществоведов относительно религиозности советской молодежи в 1920–1970-е годы; рассмотреть факторы, влиявшие на такого рода статистику; оценить соответствие последней реальной картине отношения младших поколений советских граждан к конфессиональным ценностям.

Методы. В ходе подготовки статьи автор опирался на традиционную методологию историко-социологического исследования: историко-статистический, сравнительно-исторический методы, а также метод исторической индукции.

Результаты. В работе рассмотрена динамика изменения данных о религиозности молодых граждан СССР, получаемых советскими обществоведами в ходе опросов 1920–1970-х годов, рассмотрены причины резкого падения декларируемого уровня религиозности школьников и студентов с 1930-х годов, сопоставлены опубликованные и неопубликованные сведения об отношении представителей этих социальных категорий к конфессиональной культуре.

Выводы. В статье показано, что уровень религиозности молодежи, демонстрируемый советским обществоведением, в течение пяти десятилетий уменьшился на порядок. Сделан вывод, что данные по соответствующей проблематике публиковались избирательно, отражая лишь приемлемые с идеологической точки зрения результаты опросов. Получать такие результаты обществоведам обычно помогали и сами опрашиваемые, стремившиеся оставаться в глазах наблюдающих инстанций «сознательными» гражданами. При этом за внешне демонстрируемым молодыми людьми скепсисом в отношении религии часто скрывались сомнения в атеистической картине мира либо интерес к конфессиональным традициям как одной из основ культуры.

Ключевые слова: история СССР; советская молодежь; конфессиональная культура; социология религии.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенок А. В. Религиозность советской молодежи в зеркале отечественного обществоведения 1920–1970-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 148–159. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159>.

Поступила в редакцию 29.01.2024

Принята к публикации 14.03.2024

Опубликована 27.04.2024

© Апанасенок А. В., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024; 14(2): 131–147

The Religiosity of Soviet youth in the Mirror of Domestic Social Studies of the 1920-1970s.

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the work is related to the heuristic significance of clarifying the religious values place in the life of Soviet society, as well as the need for a historiographical understanding of the process of relaying confessional traditions in the Soviet Union.

The purpose of the research: a critical analysis of information on religiosity level of Soviet youth, published by Russian authors in the 1920–1970s.

Objectives: to study the statistical data of domestic social scientists regarding the religiosity of Soviet youth in the 1920–1970s; to consider the factors that influenced such statistics; to assess the correspondence of the published statistics to the real picture of the younger generations of Soviet citizens attitude to confessional values.

Methods. During the preparation of the paper the author relied on the traditional methodology of historical and sociological research: historical-statistical, comparative-historical methods, as well as the method of historical induction.

Results. The paper examines the dynamics of changes in data on the religiosity of young USSR citizens obtained by Soviet social scientists during surveys of the 1920–1970s, examines the causes of a sharp drop in the declared level of religiosity of schoolchildren and students since the 1930s, compares published and unpublished information about the attitude of representatives of these social categories to confessional culture.

Conclusions. The research shows that the level of youth religiosity demonstrated by Soviet social studies has decreased tenfold over the past five decades. It is concluded that the data on the relevant issues were published by voters, reflecting only the results of the polls acceptable from an ideological point of view. To obtain such results, social scientists were usually helped by the interviewees themselves, who sought to remain "conscious" citizens in the eyes of the observing authorities. At the same time, the outwardly demonstrated skepticism of religion by young people often hid doubts about the atheistic picture of the world or interest in confessional traditions as one of the foundations of culture.

Keywords: history of the USSR; Soviet youth; confessional culture; sociology of religion.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A. V. The Religiosity of Soviet Youth in the Mirror of Domestic Social Studies of the 1920-1970s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 148–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159>

Received 29.01.2024

Accepted 14.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Отечественная история XX в. связана со множеством глобальных метаморфоз: политических, экономических, социальных, культурных. Едва ли не самой удивительной из них стало быстрое превращение «набожной» Российской империи

в «атеистический» СССР. Страна, в которой нескрываемое безбожие считалось вызовом общественной морали и даже власти, за считанные годы переродилась в государство, всячески поощряющее активную антирелигиозную деятельность. Указывая на быстрое духовное преобразование советского общества, представите-

ли «Союза воинствующих безбожников» собирались покончить с «религиозным дурманом» уже в течение 1930-х гг. [1, p.13–14] После краха этой организации борцы с религией некоторое время не давали столь краткосрочных прогнозов, однако уже в 1961 г. Н. С. Хрущев пообещал в обозримой перспективе показать по телевизору «последнего попа» [2, с. 375].

Какие основания надеяться на полную и бесповоротную победу атеизма в СССР были у поборников такого рода проектов? В основе их уверенности (искренней или мнимой) лежал партийный тезис о том, что люди, воспитанные при советской власти, скажут уверенное «нет» религиозному мировоззрению и при этом помогут изменить свои взгляды старшим. Этот тезис закономерно вытекал из советской идеологии: материалистическая философия и сциентизм, лежавшие в основе коммунистического взгляда на мир, позволяли приверженцам этого взгляда рассматривать религиозные верования и практики лишь в качестве «пережитков». Практическое воплощение принципов социальной справедливости, рост материального достатка и уровня образования масс должны были, по мысли КПСС, лишить традиционную конфессиональную культуру ее фундаментальных основ (каковыми считались социальные антагонизмы, бедность и невежество). Соответственно, на протяжении нескольких десятилетий советские идеологи через научно-популярную литературу и средства массовой информации активно формировали в общественном сознании представление о том, что религия (и в первую очередь наиболее распространенное в СССР православие) – удел старшего поколения, не успевшего стать вполне «сознательным». Типичный верующий в рамках этого представления – это пожилая малообразованная женщина, домохозяйка, или вышедшая на пенсию старушка [3, с. 38]. Религиозность молодых людей, воспитанных при советской

власти, напротив, рассматривалась как нонсенс.

История показала, что план победы над религией посредством полной атеизации советской молодежи оказался утопией. Несмотря на систематическую борьбу с конфессиональными традициями, межпоколенческая ретрансляция последних так или иначе происходила (в противном случае на постсоветском пространстве не был бы возможен религиозный ренессанс конца XX в.). Однако важным представляется вопрос о том, какая именно часть молодежи сохраняла интерес к конфессиональным ценностям на разных этапах советской истории. Несмотря на явную эвристическую значимость (соответствующие данные серьезно обогатили бы имеющиеся представления о духовной жизни страны Советов), он остается малоисследованным в отечественной историографии. В трудах признанных специалистов по отечественной церковной истории XX в.: Д. В. Поспеловского [4], М. И. Одинцова [5], М. В. Шкаровского [2] – можно найти немало упоминаний об участии молодых людей в тех или иных религиозных практиках на протяжении всего периода существования СССР или, например, о росте интереса студентов к православной культуре в позднесоветский период. Однако отдельные факты такого рода не дают общего представления об уровне религиозности юных/молодых граждан Советского Союза.

Начать формирование такого рода картины логично с изучения статистических данных, собиравшихся в свое время советскими обществоведами (педагогами, социологами, представителями «научного атеизма»). Однако что собой представляют эти данные и в какой мере им можно доверять? Автор статьи стремится до некоторой степени разобраться в этом вопросе. Цель работы – проанализировать сведения об уровне религиозности советской молодежи, публиковавшиеся отечественными авторами в 1920–70-е гг.

При этом предполагается, во-первых, изучить статистические выкладки соответствующего характера; во-вторых, рассмотреть факторы, влиявшие на такого рода статистику; в-третьих, оценить соответствие последней реальной картине отношения младших поколений советских граждан к конфессиональным ценностям.

Методология

В предметном поле данной работы оказались данные о религиозности той части советского общества, которая в обществоведении 1920–70-х гг. чаще всего обобщенно называлась «молодежью». Сюда обычно включались школьники, студенты средних профессиональных и высших образовательных учреждений, военнослужащие-срочники, т. е. все те, кто находился в процессе активной социализации и оставался объектами воспитательных усилий со стороны государственных и партийных инстанций. Соответствующие данные были собраны автором из публикаций советских обществоведов, представлявших как раннесоветский, так и позднесоветский периоды. Кроме того, в работе использовались архивные материалы из фонда Совета по делам религий (СДР) при Совете Министров СССР Государственного архива Российской Федерации. Представители СДР изучали конфессиональную жизнь на местах, пытаясь в том числе зафиксировать тот или иной уровень «религиозности» разных социальных групп.

В ходе подготовки статьи автор опирался на традиционные методы историко-социологического исследования. В частности, активно применялись историко-статистический метод, обусловивший активное использование количественных данных о молодых людях, признававших себя верующими в тот или иной период, сравнительно-исторический метод, предполагающий сопоставление сведений по разным десятилетиям, а также метод исторической индукции, дающий возмож-

ность формулировать общие выводы на основе сбора и описания многообразных эмпирических данных.

Результаты и их обсуждение

История попыток измерить уровень религиозности советской молодежи началась вскоре после окончания Гражданской войны, когда новая власть задавалась целью составить представление о первых результатах своей антицерковной политики, а также наметить фронт для будущей идеологической «борьбы за души». По заданию центральных партийных инстанций представителями местных ячеек в 1922–1923 гг. были собраны данные (разумеется, далеко не полные) о соблюдении гражданами религиозных обрядов. Согласно полученной информации, среди молодых людей мужского пола (до 24 лет) в обрядовой жизни участвовало 62,6%, среди девушек и молодых женщин того же возраста – 71,5% [6, с. 65]. С точки зрения большевиков, эти данные говорили о действенности принятых в первые годы советской власти мер, которые были направлены на отчуждение молодых граждан от церкви (уровень вовлеченности в обрядовую жизнь представителей старших поколений, согласно тем же опросам, оказался существенно выше). В то же время, будучи обобщенными и разбитыми лишь по признаку половой принадлежности, они не давали представления об уровне религиозности в рамках отдельных социальных категорий. Поскольку атеистическая пропаганда требовала более конкретных сведений о влиянии «пережитков» в разных слоях общества, последующие опросы чаще всего проводились более адресно. Так, например, в 1925 г. в СССР было организовано анонимное анкетирование 2587 красноармейцев-срочников (поскольку в армию на тот момент уходили в 20 лет и служили от полутора до двух с половиной лет, можно заключить, что исследователи имели дело с молодыми людьми 20–22 лет). Перед красноармейцами был

поставлен вопрос об их отношении к вере (вопрос об обрядности во время нахождения в советской армии, естественно, терял смысл). Из всех опрошенных верующими себя признали 28%, еще 32% заявили об отходе от религии во время службы. Таким образом, было установлено, что доля верующих среди призывников составляла не менее 60%. Что касается «отошедших» от веры, то искренность их ответов вызвала у исследователей сомнения: многие из них указали дату отхода, совпавшую с датой призыва в армию, а некоторые вдобавок заявили, что после демобилизации будут опять посещать церковь¹. В ходе опроса другой группы красноармейцев были получены данные о том, что верующими себя признают 42% молодых солдат, неверующими – 34%, а 24% относятся к категории колеблющихся [7, с. 58–59].

В 1927 г. было организовано первое относительно крупное обследование на предмет религиозности молодежи школьного возраста. Опрос, проведенный в восьми школах Сокольнического района Москвы, показал, что религиозными себя готовы назвать от 12,1 до 33,3% мальчиков и от 30,8 до 65% девочек. Общая доля детей, признавших себя верующими, ни в одной школе не была ниже 26,8%, но и не поднималась выше 46,1%. Общая доля религиозных школьников составила 42% [8, с. 57–62]. Эти данные попытался уточнить и расширить известный педагог П. П. Блонский, который инициировал в 1928 г. в том же Сокольническом районе ряд опросов. Последние дали возможность установить факт постепенного уменьшения доли явно религиозных школьников в зависимости от возраста. Так, среди первоклассников (или, как тогда говорили, первокурсников) таковых оказалось 60,7%, среди четвероклассников – 24%, а среди семиклассников – всего лишь 5% (впрочем, долю религиозных молодых людей соответствующего возраста, включая тех, кто не пошел в стар-

шие классы, Блонский оценил в 15–20%) [9, с. 535–543]. Склонность к религиозности советский педагог-теоретик увидел прежде всего у девочек и «умственно неразвитых» учащихся, процесс освобождения от веры в Бога он связал как с атеистическим влиянием учителей, так и с ослаблением религиозного влияния семьи на старших школьников [9, с. 545].

Опросы, проводившиеся в 1927–1928 гг. в других регионах (в Ленинграде, Туле, Пскове, Казани, Севастополе, Владивостоке), показали, что заявить о своей религиозности в этот период были готовы примерно 50% детей до 12 лет, 30–40% подростков 12–15 лет и 20–30% молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет [10, с. 29]. А. В. Луначарский, обобщивший результаты нескольких социологических исследований, на Втором Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников в 1929 г. заявил, что примерно половина учеников высших классов в СССР – атеисты. При этом он подчеркнул, что процесс «расцерковления» молодежи идет гораздо быстрее, чем в случаях с другими возрастными категориями: общую долю верующих в стране первый советский нарком просвещения оценил тогда же в 80% [11, с. 164].

Данные Луначарского и его коллег, собиравшиеся до конца 1920-х гг., разумеется, можно до некоторой степени ставить под сомнение (все-таки данные собирались теми, кто позиционировал себя в качестве атеистов). Тем не менее озвучивавшие/публиковавшие их специалисты претендовали на научность и готовы были к дебатам в рамках публичного обсуждения соответствующих цифр. Объявление же И. В. Сталиным «Великого перелома» в 1929 г. фактически предопределило постепенное прекращение сколь-нибудь плодотворных социологических изысканий. Политика форсированного преобразования страны (не только социально-экономического, но и культурного) привела советских общественников к необходимости соотносить выдава-

¹ Спутник политработника. 1926. № 23.

емые данные с партийными установками, требовавшими быстрой победы над «пережитками». Приведем красноречивый пример. Как уже отмечалось, в 1922–1923 гг. в стране была зафиксирована доля молодых людей мужского пола (до 24 лет), соблюдающих религиозные обряды, равная 62,6%. В 1934 г. эта доля оценивалась всего лишь в 1%! [6, с. 65]. Данные, которые могли бы поставить под сомнение партийные оценки духовного преобразования общества, перестали публично обсуждаться. Так, до 1990 г. оставались засекреченными результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г., в ходе которой около двух третей населения страны назвали себя верующими [12, с. 120–122]. В таких условиях пытаться собрать, и тем более опубликовать сколь-нибудь объективные данные об отношении молодежи к религии было бессмысленно и опасно. Соответственно, практика опросов, подобных тому, что проводил П. П. Блонский, фактически сходит на нет, а советские авторы просто констатируют победу материалистического мировоззрения в стране победившего социализма. Даже после Великой Отечественной войны (ознаменовавшейся, как известно, конфессиональным подъемом в Советском Союзе) издания образованного в 1947 г. Всесоюзного общества «Знание» констатировали, что подавляющее большинство советских людей отказалось от религиозных «пережитков», а сообщества верующих составляют в основном пенсионеры и люди, не сумевшие получить сколь-нибудь серьезного образования [13, с. 5].

К конкретно-социологическим исследованиям религиозности граждан СССР (в том числе молодежи) отечественное обществоведение вернулось лишь в 1960-е гг. Впрочем, социология религии позднесоветского периода также стремилась подчеркнуть, что присутствие среди верующих юношей и девушек – крайне редкое, не характерное для общества развитого социализма явление. При-

ведем несколько примеров. Исследование, проведенное в 1965 г. в Воронеже и Воронежской области, охватившее 7997 человек в возрасте от 16 до 30 лет, показало, что количество убежденных верующих среди молодежи составляет 1,4%, колеблющихся – 5,7%. При этом процент верующих в сельской местности примерно в полтора раза превысил процент верующих в городе. Организаторами опроса также была отмечена прямая зависимость уровня религиозности от рода занятий молодежи. Молодых колхозников, признавших себя верующими, оказалось 14,6%, неквалифицированных рабочих – 13,4%, военнослужащих первого года службы – 10,2%, учащихся общеобразовательных школ – 1,1%, студентов – 1,7% [14, с. 132–139]. Как видно, наиболее молодые граждане – школьники и студенты – оказались наименее склонны называть себя верующими.

В начале 1970-х гг. сотрудниками кафедры этики, эстетики и научного атеизма Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена совместно с представителями Музея истории религии и атеизма было организовано обследование учащихся 28 ленинградских школ. Из 1619 опрошенных школьников восьмидесятых классов верующими себя назвали 24 человека (что составило 1,5%), колеблющимися – еще 34 (2,4%) [10, с. 31]. Аналогичное обследование в Одессе и Одесской области, проведенное в тот же период среди 800 юношей и девушек, показало религиозность на уровне 2,5% [3, с. 70]. Наконец, опрос 1030 студентов первого курса Ленинградского электротехнического института и 500 выпускников других вузов города (университета, театрального и горного институтов, а также консерватории) показал, что из них только 18 человек (1,2%) оказались готовы признать себя верующими [10, с. 31]. При этом уровень религиозности советского социума в целом оценивался социологами на порядок выше. К началу семидесятых советские обществоведы

писали о том, что доля верующих составляет 10–20% от всего населения СССР [15, с. 128; 16, с. 54]. В 1978 г. известный отечественный социолог В. Д. Кобецкий говорил о 15–20% [10, с. 24].

Насколько мизерные социологические показатели отражали реальное положение дел в сфере религиозности советской молодежи? Разумеется, младшие поколения практически всегда демонстрируют меньше заинтересованности в конфессиональных вопросах, чем старшие, а обстановка в советских образовательных учреждениях точно не способствовала укреплению религиозной веры (если таковая прививалась в рамках семейного воспитания). Однако декларируемый уровень религиозности школьников и студентов порядка 1–2% все же выглядит явно заниженным: такое состояние дел привело бы к остановке ретрансляции и в перспективе практически к полному исчезновению конфессиональных традиций. На практике молодежь нередко можно было видеть в церквях как в послевоенное время, так и в позднесоветский период, о чем говорят многочисленные свидетельства современников [17]. Значило ли это, что статистические данные просто фальсифицировались? Думается, что такой ответ был бы излишне упрощенным: если и говорить о «фальсификации», то надо признать, что в ней прежде всего участвовали сами опрашиваемые.

Чтобы проиллюстрировать последнюю мысль, обратимся еще раз к уже упоминавшемуся исследованию П. П. Блонского, организовавшего ряд опросов школьников Сокольнического района Москвы в конце 1920-х гг. Характеризуя условия проведения этого исследования, педагог описывает характерный эпизод. В одном из классов учительница устно стала спрашивать своих учеников, кто из них верующий, а кто – нет. Выяснилось, что 20 детей верят в Бога, а 3 – не верят. После подведения итога учительница заявила, что сама она относится к числу

атеистов. Большинство учеников тут же решило изменить свои ответы: при новом подсчете оказалось, что в классе 5 верующих и 18 неверующих. Дети, совсем недавно признавшие себя верующими, внезапно стали обосновывать свою нерелигиозность, указывая на то, что они не ходят в церковь, не носят крестиков и т. п. [9, с. 535–536]

Представляется, что в описанном случае пятнадцать из двадцати трех опрошенных школьников продемонстрировали то, что Б. Фирсов охарактеризовал как распространенную особенность советского общественного сознания и назвал двоемыслием, т. е. способностью иметь два взаимоисключающих мнения одновременно [18, с. 66]. Очевидно, что учащиеся столичной школы раннесоветского периода в большинстве случаев представляли более-менее религиозные семьи и с малых лет были привычны к идее Бога. В то же время обучение в материалистически ориентированной советской школе поставило эту идею под сомнение, а желание добиться социального успеха (который в детскую пору начинается с одобрения и похвал учителя) заставляло подавлять религиозные чувства. В итоге школьники учились проявлять мировоззренческую гибкость, в том числе привыкали по-разному выражать свое отношение к религиозным ценностям в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Разумеется, причины, побудившие описанный П. П. Блонским класс формально изменить свое отношение к религии в конце 1920-х гг., оставались актуальными для школьников и, тем более, студентов, опрашиваемых в 1960–70-е гг. Укрепившаяся к этому времени советская идентичность, а также действующие в школе/институте/армии нормы заставляли даже воспитанных в религиозных семьях молодых людей давать «правильные» ответы. При этом выражение скептического отношения к религии нередко сопровождалось разного рода смягчаю-

щими оговорками. Так, в 1967 г., т. е. через три года после окончания масштабной антирелигиозной кампании, десятиклассникам школ Ленинграда было предложено написать сочинение на тему «Мое отношение к религии». Будучи в подавляющем большинстве членами комсомола и отлично понимая, какую точку зрения желательно выразить в работах (последние нужны были для подтверждения результативности атеистического воспитания в средней школе), учащиеся в основной массе написали об отрицательном отношении к религиозному мировоззрению. В то же время внимательное изучение сочинений (частично отправленных даже в Совет по делам религий) продемонстрировало, что уверенности по поводу установок научного атеизма старшеклассники не испытывали и нередко, написав несколько шаблонных фраз, выражали свои сомнения. Вот, например, характерный отрывок из сочинения ученицы 10 класса школы №199 (он цитируется в аналитическом обзоре СДР): «Я вообще не интересовалась религией, но выступаю против нее. ...Помоему, отдельные верующие не приносят вреда. Вот, например, у меня верующая бабушка... Верующие – идеалисты, а неверующие – материалисты, и между ними происходит классовая борьба. Но вот я не понимаю, как может происходить классовая борьба между мной и бабушкой?». Ученик другой ленинградской школы в своем сочинении писал, что, наверно, нужно признать правоту ученых, «доказавших, что Бога нет», но при этом отмечал: «У меня бывает иногда очень странное чувство, когда я очень хочу, чтобы бог действительно был... Очень хотелось бы, чтобы власть над всем миром была бы в руках какого-то доброго, честного, пускай и сверхъестественного существа... Я просто в восторге от церковных праздников, обрядов» [19, л. 51].

Еще один пример фактического несоответствия итоговых социологических данных о религиозности молодежи

ее реальным настроениям относится к упоминавшемуся выше опросу ленинградских студентов. Как следует из опубликованных в 1976 г. результатов исследования, учащиеся пяти местных вузов «как будущие специалисты, которым предстоит решать не только производственные задачи, но и задачи воспитательные», были призваны охарактеризовать свои взгляды на религию и атеизм. Подавляющее большинство закономерно выразило положительное отношение к атеизму и скептическое – к религии. При этом, однако, некоторые «похвалившие» атеизм студенты заявили, что религия формирует нравственные отношения между людьми, проповедует гуманизм, может дать человеку нравственный идеал. Обозначая критическое отношение к религиозным праздникам, часть молодых людей одновременно назвала их «вполне приемлемой формой проведения досуга», а также призналась в посещении церквей [20, с. 22].

Такого рода настроения порой приводили собирателей статистики и к неудовлетворительным (с идеологической точки зрения) результатам. Последние, естественно, не публиковались. Например, в информационном обзоре Совета по делам религии за 1967 г. говорится, что, согласно проведенным в северной столице исследованиям, до 49% местных школьников «подвергаются религиозному влиянию». По итогам опроса об отношении к религии самих учащихся 70% молодых людей дали отрицательную оценку религии, а 30% высказались положительно или ответили «не знаю». Учитывая, что опрос не был анонимным, его результаты выглядели довольно вызывающими. Исследования в других советских городах также порой показали отсутствие единства среди учащихся в вопросах отношения к традиционной конфессиональной культуре. Например, в том же обзоре СДР говорится об опросе школьников в Астрахани. Из 250 опрошенных учащихся 5–8 классов 59 человек

(т. е. 23%) заявили, что верят в Бога. При этом регулярно отмечающих религиозные праздники вместе с родителями оказалось существенно больше – 112 человек (45%) [19, л. 51]. В 1972 г. председатель СДР В. А. Куроедов в докладе «для служебного пользования» отмечал, что в Мордовской АССР, а также ряде регионов Белоруссии, Украины, Молдавии доля верующих среди школьников составляет порядка 15%, а в ряде вузов зафиксирована религиозность у пяти с лишним процентов студентов [21, л. 73].

Результаты упомянутых исследований (как опубликованные, так и сохранившиеся лишь в виде архивных документов) демонстрируют широкую палитру отношения советской молодежи к религиозной (и прежде всего православной) культуре. Очевидно, что, давая молодым людям представление о желательной идейной установке (т. е. позиции атеиста), учителя/преподаватели не могли окончательно убедить их в правильности этой установки. В результате значительная часть молодежи, высказываясь скептически по отношению к религии, в то же время оставалась внутренне колеблющейся. Эти сомнения давали церквям надежду на пополнение рядов прихожан несмотря на антирелигиозную политику государства. Так, в 1960-е гг. между учащимися Ленинградской духовной семинарии и их преподавателем – доцентом А. Ф. Шишкиным – произошел разговор о вероятности исчезновения православной культуры в СССР. Семинаристы спросили своего наставника, стоит ли им учиться, ведь когда-нибудь они могут оказаться без прихожан из-за оттока молодежи из православных церквей. Пожилой доцент ответил: «30 лет я служу, 30 лет слышу, что верующие – это старики, что они скоро вымрут и верующих не останется. Но ведь разговор этот длится уже 30 лет. И, вероятно, те, кто сегодня является стариками, 30 лет тому назад были молодыми...» [22, с. 169].

Думается, А. Ф. Шишкин хоть и не прямо, но довольно точно обозначил неудачу системы атеистического воспитания: она не смогла сообщить молодым людям уверенность в истинности материалистической картины мира. Представители «далекой от религии» советской молодежи в действительности не всегда оказывались столь непримиримы по отношению к традиционной конфессиональной культуре, как того хотелось бы идеологам КПСС, иначе бы повзрослевшие (постаревшие) граждане не приходили бы в церковь. Симптоматичен следующий факт: на закате советской эпохи (в 1988 г.) председатель СДР К. М. Харчев заявил о необходимости отбросить стереотип о религии как уделе пожилых людей. Он отметил, что в православных храмах можно встретить не только «бабок», но также трудоспособное население и много молодых людей [23].

Выводы

Итак, попытки советских авторов научно отразить процесс преодоления религиозности в среде молодых граждан СССР закончились неудачей. По мере строительства и развития социализма, ассоциировавшегося с «новым миром» не только в социально-экономическом, но и в культурном смысле, советское обществоведение все больше зависело от заложенной в коммунистическую идеологию логики. Согласно последней религиозность должна была стремительно изживаться в процессе преодоления несправедливости, бедности и невежества, а носителями нового мировоззрения должны были становиться как раз молодые люди. Поставить под сомнение победу над религией в молодежной среде значило усомниться в успехах коммунистического проекта, поэтому отечественные обществоведы как минимум с момента «Великого перелома» были вынуждены преувеличивать успехи атеистического воспитания. Если в 1920-е гг. небеспристрастная советская социология пыталась

предложить обществу более-менее правдоподобные количественные данные о масштабах отхода новых поколений граждан от церковной жизни, то в 1930–50-е гг. авторы чаще всего просто констатировали разрыв подавляющего большинства населения с «предрассудками».

Возродившаяся в 1960-е гг. социология религии вновь обратилась к количественным данным, однако последние публиковались избирательно, отражая результаты лишь «удачных» с идеологической точки зрения опросов. В зеркале последних уровень религиозности школьников и студентов СССР в позднесоветский период составлял ничтожные

1–2%. Получать такие результаты обществоведам обычно помогали и сами опрашиваемые, стремившиеся оставаться в глазах наблюдающих/контролирующих инстанций «сознательными» гражданами. Реальная ситуация в сфере молодежной религиозности, освещавшаяся в том числе в непредназначенных для опубликования аналитических документах Совета по делам религий, оставалась неоднозначной. За внешне демонстрируемым молодыми людьми скепсисом по отношению к религии часто скрывались сомнения в атеистической картине мира либо интерес к конфессиональным традициям как одной из основ культуры.

Список литературы

1. Peris D. *Storming the heavens: the Soviet league of the militant godless*. Cornell University Press, 1998. 237 p.
2. Шкаровский М. В. *Русская православная церковь в XX веке*. М.: Вече, 2010. 478 с.
3. Ануфриев Л., Кобецкий В. *Религиозность и атеизм (Социологические очерки)*. Одесса: Маяк, 1974. 152 с.
4. Поспеловский Д. В. *Русская православная церковь в XX веке*. М.: Республика, 1995. 511 с.
5. Одинцов М. И. *Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг.* М.: РОССПЭН, 2014. 421 с.
6. СССР – страна социализма: статистический сборник. М.: Ред.-изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. 210 с.
7. Итоги анкеты по религиозному вопросу среди молодых красноармейцев // *Антирелигиозник*. 1926. № 6. С. 58–59.
8. Тарараев А. Отношение к религии у окончивших школу-семилетку (итоги одной анкеты) // *Антирелигиозник*. 1928. №3. С. 57–62.
9. Блонский П. П. *Религиозность и нерелигиозность наших школьников* // *Избранные педагогические произведения*. М.: Изд-во Акад. педагогических наук РСФСР, 1961. С. 534–546.
10. Кобецкий В. Д. *Социологическое изучение религии и атеизма*. Л.: ЛГУ, 1978. 118 с.
11. *Стенографический отчет Второго Всесоюзного съезда союза воинствующих безбожников*. М.: Безбожник, 1930. 448 с.
12. *Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сборник документов и материалов* / [сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков]. М.: РОССПЭН, 2007. 318 с.
13. Худяков С. Н. *О преодолении религиозных предрассудков*. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1951. 32 с.
14. Тепляков М. К. *Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества (по материалам конкретных исследований в Воронежской области)* // *Вопросы научного атеизма*. Вып. 4. М.: Мысль, 1967. С. 130–156.

15. Кобецкий В. Д. Исследование динамики религиозности населения в СССР // Атеизм. Религия. Современность. Вып. 1. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. С. 116–130.
16. Сухов А. Д. Религия как общественный феномен. М.: Мысль, 1973. 144 с.
17. Апанасенок А. В. «Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940–1960-е гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 205–216.
18. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория, практики. СПб.: Европейский Дом, 2008. 544 с.
19. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152.
20. Данилов Д. Г., Кобецкий В. Д. Общественное мнение и научно-атеистическая пропаганда. Л.: Знание, 1976. 38 с.
21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 976.
22. Кобецкий В. Д. Обряд крещения как проявление религиозности // Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания / под ред. И. Д. Пацхава. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1969. С. 162–173.
23. Религия и перестройка // Русская мысль. 1988. 22 мая.

References

1. Peris D. Storming the heavens: the Soviet league of the militant godless. Cornell University Press, 1998. 237 p.
2. Shkarovskii M. V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Veche Publ., 2010. 478 p.
3. Anufriev L., Kobetskii V. Religioznost' i ateizm (Sotsiologicheskie ocherki) [Religiosity and Atheism (Sociological essays)]. Odessa, Mayak Publ., 1974. 152 p.
4. Pospelovskii D. V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.
5. Odintsov M. I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma, 1917–1953 gg. [The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist Socialism, 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014. 421 p.
6. SSSR – strana sotsializma. Statisticheskii sbornik [The USSR is a country of socialism. Statistical collection]. Moscow, Red.-izd. upr. TsUNKhU Gosplana SSSR Publ., 1936. 210 p.
7. Itogi ankety po religioznomu voprosu sredi molodykh krasnoarmeytsev [Results of a questionnaire on a religious issue among young Red Army soldiers]. *Antireligioznik = Antireligious*, 1926, no. 6, pp. 58–59.
8. Tararaev A. Otnoshenie k religii u okonchivshikh shkolu-semiletku (itogi odnoi ankety) [Attitude to religion among those who graduated from school for seven years (the results of one questionnaire)]. *Antireligioznik = Antireligious*, 1928, no. 3, pp. 57–62.
9. Blonskii P. P. Religioznost' i nereligioznost' nashikh shkol'nikov [Religiosity and non-religiosity of our schoolchildren]. Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya [Selected pedagogical works]. Moscow, Izd-vo Akad. pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1961, pp. 534–546.
10. Kobetskii V. D. Sotsiologicheskoe izuchenie religii i ateizma [The sociological study of religion and atheism]. Leningrad, LGU Publ., 1978. 118 p.
11. Stenograficheskii otchet Vtorogo Vsesoyuznogo s"ezda soyuza voinstvuyushchikh bezbozhnikov [Verbatim report of the Second All-Union Congress of the Union of Militant Atheists]. Moscow, Bezbozhnik Publ., 1930. 448 p.
12. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov [All-Union population census of 1937: general results. Collection of documents and ma-

terials]; compilers V. B. Zhiromskaya, Yu. A. Polyakov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 318 p.

13. Khudyakov S. N. O preodolenii religioznykh predrassudkov [About overcoming religious prejudices]. Kishinev, Gos. izd-vo Moldavii, 1951. 32 p.

14. Teplyakov M. K. Pobeda ateizma v razlichnykh sotsial'nykh sloyakh sovetskogo obshchestva (po materialam konkretnykh issledovaniy v Voronezhskoi oblasti) [The victory of Atheism in various social strata of Soviet society (based on the materials of specific studies in the Voronezh Region)]. Voprosy nauchnogo ateizma [Questions of scientific Atheism]. Is. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1967, pp. 130–156.

15. Kobetskii V. D. Issledovanie dinamiki religioznosti naseleniya v SSSR [A study of the dynamics of the religiosity of the population in the USSR]. Ateizm. Religiya. Sovremennost' [Atheism. Religion. Modernity]. Is. 1. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, 1973, pp. 116–130.

16. Sukhov A. D. Religiya kak obshchestvennyi fenomen [Religion as a social phenomenon]. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 144 p.

17. Apanasenok A. V. "Gospodi, pomogi mne sdats' ekzamen": pravoslavnye praktiki sovetskikh uchashchikhsya v 1940–1960-e gg. ["Lord, help me to pass the exam": Orthodox practices of Soviet students in the 1940s and 1960s]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 205–216.

18. Firsov B. M. Raznomyslie v SSSR, 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya, praktiki [Diversity of opinion in the USSR, 1940s–1960s: History, theory, practices]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2008. 544 p.

19. GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii) [The State Archive of the Russian Federation], f. 6991, op. 5, d. 152.

20. Danilov D. G., Kobetskii V. D. Obshchestvennoe mnenie i nauchno-ateisticheskaya propaganda [Public opinion and scientific atheistic propaganda]. Leningrad, Znanie Publ., 1976. 38 p.

21. GARF, f. 6991, op. 5, d. 976.

22. Kobetskii V. D. Obryad kreshcheniya kak proyavlenie religioznosti [The rite of baptism as a manifestation of religiosity]. *Konkretno-sotsiologicheskoe izuchenie sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya* [A concrete sociological study of the state of religiosity and the experience of atheistic education]; ed. by I. D. Patskhava. Moscow, Izd-vo Moskov. un-ta, 1969, pp. 162–173.

23. Religiya i perestroika [Religion and perestroika]. *Russkaya mysl' = Russian Thought*, 1988, May 22.

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: apanasenok@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: apanasenok@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4650-3730